

Владислав Карнацевич Александр Македонский

Вероятно, среди многочисленных «топ-листов» самых известных или наиболее влиятельных исторических деятелей найдутся лишь единицы таких, где не упоминается имя Александра Македонского. Иначе и быть не может — по своим размерам держава, которую создал и которой управлял этот человек, может сравниться с Римской и Монгольской империями, Россией... и уже со следующим примером мы будем испытывать определенные трудности. При этом государство Александра все равно должно стоять на почетном первом месте — по хронологии. Можно ли назвать эпоху Александра своеобразной вершиной, которой достигла античная цивилизация? Вряд ли. Во-первых, впереди была римская эра, а древнегреческая культура была на высоте задолго до рождения героя этой книги. Но, безусловно, деятельность Александра Македонского стала величайшим потрясением и для древней Европы и для древней Азии. Возможно, именно Александр прочно соединил истории этих частей света, превратив их в одну — всемирную историю.

Что же касается истории самого Александра Македонского, она, к сожалению, и до сих пор

остается во многом загадочной. Мы судим о нем и его делах по нескольким уже неоднократно прокомментированным и разобранным буквально по словам и фразам источникам, авторов которых отделяли от описываемых ими событий порой сотни лет. Плутарх, Арриан, Квинт Курций Руф пользовались, конечно, трудами, которые были написаны значительно ранее — вероятно, современниками или даже знакомыми Александра, но не всегда мы можем понять, что было точно передано более поздними исследователями, а что ими же додумано. Не говоря уже о том, что и современники не были чужды сочинительству. Информация, которая доходила из Азии в Европу, могла по дороге обрасти совершенно фантастическими подробностями, а зачастую эти подробности были следствием хорошо продуманной идеологической кампании. Так что нам приходится относиться к Александру не только как к конкретному историческому деятелю, а именно как к персонажу. Персонажу собственной, вне всякого сомнения, удивительной жизни и написанной об этой жизни истории. Своеобразному идеалу, созданному не только им самим, но и мыслителями, литераторами, художниками. Перед нами возникает образ титанической личности, фигура противоречивая, но обаятельная. Человек огромных амбиций и широких взглядов, в целом

расчетливый военачальник и политик, поступки которого, однако, часто совершались под влиянием мгновенного импульса. Практик и идеалист в одном лице. Рыцарь и деспот. С такой неоднозначностью столкнется каждый, кто займется исследованием биографии великого завоевателя.

Вся деятельность Александра Великого в качестве главы Македонского государства — это один большой поход, перманентная война. Одна победа влекла за собой другую; форсировав реку, Александр узнавал, что там, за горизонтом, есть еще одна река, еще города, еще народы... Величайший полководец не мог спать спокойно, зная, что есть места, где он не бывал, где не знают его имени. Так в одном человеке переплелись колоссальное тщеславие, и властолюбие, и страсть к познанию мира. Возможно, он раньше, чем ученые, сумел постичь все многообразие, но одновременно и единство ойкумены. И в то же время Александр все больше отстранялся от этого мира — тысячи, миллионы жителей Азии и Европы казались ему фигурками на большой игровой доске, которую он держал в своих руках. Чем большего успеха добивался молодой царь, тем менее значимыми казались ему покоренные народы, солдаты и друзья. Александр перестал видеть разницу между македонянином и персом, слугой и другом — все они были кирпичиками в его

великолепном здании, которое быстро распалось после смерти полководца. Но сохранился фундамент, фундамент новой эпохи — эллинизма.

* * *

Фундамент же успехов войска Александра был заложен его отцом — выдающимся политиком и полководцем своего времени. Филипп II преждевременно покинул этот мир, может быть, именно поэтому мы знаем имя его сына лучше, чем его самого. Прорыв, осуществленный Македонией в середине IV века до нашей эры, мог и не состояться, если бы не этот выдающийся государственный муж.

Македония, область на севере Греции, долгое время отставала от своих южных соседей. Жители блестящих Афин или Фив, конечно, считали, что македоняне ближе подошли к достижениям эллинской культуры, но все же оставались полуварварами. Действительно, в VII веке до н. э. здесь все еще сильны были пережитки первобытных отношений. Возможно, это отставание было обусловлено и этническим составом населения — ведь в македонянах текла кровь самых разных племен, в том числе и «диких» иллирийцев и фракийцев. Политическая структура общества характеризовалась сохранением

родоплеменного строя и господством родоплеменной аристократии — богатейших землевладельцев, среди которых царь долгое время был только первым среди равных. В жизни македонского общества значительную роль играло народное собрание — собрание вооруженных воинов; в его функции входили избрание царя, суд, вынесение и приведение в исполнение смертных приговоров. Знать составляла царскую дружину, которая высказывала царю свои требования на систематически проводившихся пирах. Верхушка македонского общества, как и сама страна, была неоднородна в этническом отношении. Так, еще в V веке до н. э. в западных областях Орестиде и Линкестиде правили фактически независимые цари.

Активно участвовать в политической игре Эллады Македония начинает с греко-персидских войн. Так, царь Александр Филэллин (т. е. «любящий греков») не без успеха лавировал между двумя враждебными лагерями. Началась централизация страны, которая особенно активно протекала в Нижней (приморской) Македонии. При царе Архелае (419–399 до н. э.) Македония стала уже одним из самых сильных государств на Балканском полуострове, и с ним уже нельзя было не считаться. Тогда же генеалогию македонских царей возводят к легендарному герою Гераклу. Важное значение имела последовательная

эллинизация страны, которую проводили цари начиная с Александра I. При дворе македонских царей появлялись знаменитые деятели греческой науки и искусства — поэт Пиндар, историк Фукидид, драматург Еврипид и другие.

После смерти Архелая в стране много лет продолжались междоусобицы. Прекратил их и укрепил царскую власть Филипп II. В юности он был отправлен в качестве знатного заложника в Фивы, которым Македония проиграла в войне 367 года. Там Филипп плотно познакомился с эллинской культурой. Особенно важным, как оказалось впоследствии, стало его знакомство с военной системой выдающегося полководца и государственного деятеля Эпаминонда. Будущий македонский правитель приходит к пониманию того, насколько важна дисциплина в армии, четкие правила ее набора, тактика на поле боя. В этой тактике у Эпаминонда особую роль играло сосредоточение главных сил на направлении основного удара с некоторым ущербом для других участков боевого порядка.

Вернувшись в Македонию, Филипп (было ему тогда 22 года) стал опекуном малолетнего царственного племянника, а через некоторое время сам захватил престол. В первые же годы своего правления он расправился с основными своими политическими соперниками внутри страны, затем

отразил нападения иллирийцев и фракийцев. Филиппом была проведена серьезная военная реформа, превратившая македонскую армию в сильнейшую среди греческих и, как затем оказалось, не только греческих. В Македонии было организовано регулярное войско, в пехоте которого сражались свободные крестьяне, в коннице — родовая знать. Всего в армии Филиппа было около 30 тысяч пехотинцев и около 3 тысяч всадников. Каждый из округов, на которые была разделена страна, должен был выставить одну воинскую единицу — «малую фалангу» для пехоты, «илу» для конницы. Ил насчитывалось восемь, семь — носили названия по территориальной принадлежности, одна — элитная — формировалась по другому принципу и называлась «царской».

Пехота делилась на легкую, среднюю и тяжелую. Легкая — псилеты — была вооружена дротиками, луками, пращами, на нее возлагалась подготовка атаки. Воины средней пехоты — гипасписты — были, по сути, македонской гвардией, но в бою не они были опорой боевого порядка. Гипасписты являлись связующим звеном между атакующим крылом кавалерии и фалангой тяжелой пехоты и развивали успех кавалерии. Они были вооружены мечами, щитами, могли действовать как в плотном, так и в рассыпном

строю. В средней пехоте также имелась элитная часть — аргираспиды, вооруженные окованными серебром щитами. Кстати, щиты македонян отличались от традиционных греческих — они были прямоугольной формы и значительно больше.

Тяжелая пехота составляла опору боевого порядка — знаменитую македонскую фалангу. Эта фаланга отличалась от греческой компактностью, более высокой численностью и глубиной построения. Классическая македонская фаланга насчитывала 16384 человека, глубину — 16 шеренг¹, по 1024 человека в каждой шеренге. Фронт фаланги достигал километра. Во главе каждого подразделения фаланги стоял свой командир. Низшим подразделением был лох — один человек по фронту и 16 в глубину. Следующие подразделения состояли из 2, 4, 8 и 16 лохов. Колонна в 16 человек по фронту и 16 в глубину называлась синтагмой; 16 синтагм составляли малую фалангу, 4 малые фаланги образовывали большую фалангу. В тактическом отношении фаланга представляла собой единое

---

¹ Глубина могла варьироваться от 8 до 24 шеренг в зависимости от ситуации — необходимости наносить удар определенной силы или, наоборот, выдерживать натиск противника, а также от особенностей местности.

целое. В бою между подразделениями не существовало никаких интервалов, воины стояли очень близко друг к другу. Таким образом, подразделение было не гибким и не очень подвижным, фаланга с трудом действовала на пересеченной местности, зато обладала страшной ударной силой и большой устойчивостью.

Входящие в фалангу тяжелые пехотинцы именовались пэдзитайрами, или сариссофорами — от сариссы, особой длинной пики. Длина сарисс увеличивалась в глубину строя от 2 до 6 метров: каждый следующий воин клал свою более длинную сариссу на плечо идущему перед ним — таким образом, фаланга «ощетинивалась» пиками. Были у сариссофоров и мечи для ближнего боя, у всех воинов имелись также щиты и шлемы.

Совершенно особую роль в македонской армии играла регулярная тяжелая конница, в которую входили так называемые гетайры². Они

---

² *Гетайры* — это «друзья царя», самые родовитые представители знати, которые заседали в совете при македонском правителе и составили костяк руководящего состава армии. Естественно, многие из них оказались в рядах тяжелой конницы — элитного рода войск, требовавшего долгой тренировки и финансовых возможностей для того, чтобы полностью вооружить себя на войну. Была и часть «пеших гетайров», также состоящая из знатных македонян. Для лучшего понимания этого термина можно сказать, что он

также пользовались сариссами, а кроме того — мечами или кривыми саблями. Гетайры носили шлем без гребня и короткую кирасу. В Македонии было издревле развито коневодство, знатные люди с детства посвящали много времени обучению езде верхом. Это обстоятельство сполна было использовано при создании армии нового образца. Конница стала важнейшим родом войск (совсем не так, как во всей остальной Греции), было организовано взаимодействие пехоты и кавалерии на поле боя. Тяжелая кавалерия зачастую решала исход всего сражения. Кроме нее, в македонской армии существовала и легкая конница, вооруженная луками, короткими копьями и дротиками. Известно, что в армии Александра были и воины, которые могли по ситуации сражаться пешими или на коне. По ходу завоеваний к армии македонцев присоединились и фессалийские, фракийские, иллирийские части. Они, как правило, выделялись в особые отряды, выполнявшие отдельные задачи на поле боя.

Такое многообразие родов войск позволяло македонским военачальникам успешно комбинировать их действия во время сражений, гибко реагировать на изменение ситуации,

---

аналогичен понятию «рыцарь».

выполнять самые разные боевые задачи в самых разных условиях. Как уже было сказано, опорой боевого порядка была большая фаланга. Справа от нее, как правило, располагалась средняя пехота и тяжелая македонская конница; слева — легкая пехота и союзная (фессалийская или иллирийская конница). Большая часть легкой пехоты и легкой конницы находилась перед фронтом боевого порядка. Иногда часть легковооруженных войск располагалась за флангами, прикрывала обоз и лагерь.

Македонская армия чаще всего наступала уступами с правого фланга. Тяжелая кавалерия наносила главный удар; в прорыв направлялись гипасписты, закреплявшие и развивавшие успех. Разгром противника довершала тяжелая пехота. Легковооруженные всадники обязательно преследовали врага.

Еще Филипп, а за ним и Александр позаботились о том, чтобы македонское войско было вооружено всеми видами боевых машин, используемых в первую очередь для осады и штурма укреплений. Много заимствований было сделано у передовых в этом отношении (еще задолго до рождения сиракузца Архимеда) сицилийских инженеров. Это и катапульты, и ворота, предназначенные для растаскивания камней, из которых сложена крепость. Отдельного

внимания у историков заслужила «черепеха», сочетавшая в себе тараны и устройства для расчистки местности.

Имелся у македонян и флот, правда, не столь мощный, как у персов, финикийцев или афинян. Здесь приходилось прибегать к помощи союзников. Огромное значение имело организованное обучение солдат и в первую очередь — офицеров. На поле боя македонские военачальники могли самостоятельно ориентироваться, принимать решение по ситуации, но это не противоречило строгой дисциплине в войсках, каковой не знал, пожалуй, ни один греческий полис.

Структура армии и тактика несколько менялись в течение времени, но в целом Александр Македонский сохранил заложенные Филиппом основы. Практика подтвердила правильность взятого его отцом курса. С талантливейшим и удачливым полководцем (каким был Александр) во главе, с приобретением боевого опыта македонское войско стало поистине непобедимым.

Укрепив армию и проведя ряд внутренних реформ, направленных на усиление царской власти, Филипп приступил к завоеваниям. Были захвачены фракийские золотые рудники, что позволило начать регулярный выпуск золотой монеты — «филиппика», имевшего, естественно, большую ценность, чем греческие серебряные монеты. Затем

македонский правитель ввязался в так называемую «Священную войну» (355–346 гг. до н. э.), в которой участвовало множество полисов. Началась война с того, что полисы — члены Дельфийской амфикионии ³ (в первую очередь Фивы) — обвинили соседнюю Фокиду в распашке земель, принадлежащих самому главному греческому храму. На стороне Фокиды выступила сначала Спарта, а затем и Афины. «Истцы» попросили помощи у Филиппа, который с удовольствием принял предложение, разгромил Фокиду и сам занял ее место в амфикионии.

Еще раньше Македония напала на греческий город Олинф на полуострове Халкидика, входивший в орбиту афинской политики. Афины не смогли помешать Филиппу, в результате чего с Македонией был заключен так называемый «Филократов мир» и та через некоторое время владела уже всем фракийским побережьем. Явное усиление северного государства беспокоило уже всех греческих политиков. Однако если одни видели в Филиппе объединителя эллинов, который сможет повести их за собой в борьбе против внешних врагов, то другие — будущего душителя

---

³ *Амфикиония* — союз, созданный для охраны святилища в Дельфах.

свободы греческих городов. Проблема принятия или непринятия македонского верховенства во многом совпадала с проблемой выбора политического устройства — аристократии, олигархии или демократии.

Лидером промакедонской партии в Афинах был Исократ, лидером антимакедонской — знаменитый оратор Демосфен. В своих «филиппиках» (так называют теперь любую пламенную речь, направленную против кого-либо или чего-либо) оратор клеймил македонского царя как «наглеца, лжеца и варвара». Политическим идеалом этого и других демократически настроенных мыслителей IV века до н. э. оставался государственный строй Афин при Перикле, когда власть принадлежала равным между собой гражданам. Естественно, демократы были против «власти немногих» — олигархии, а уж тем более тирании, власти одного человека — а именно такое политическое устройство уже практически сложилось в Македонии.

Тем временем Филиппу удалось покорить Фессалию и стать главой Дельфийской амфикионии; он опять вторгся в Элладу, на сей раз обвинив в святотатстве город Амфиссу. При этом Филипп захватил проход в Беотию, и над Фивами нависла реальная угроза. На помощь древнему городу выступили Афины, Мегары, Эвбея, Коринф

и ряд других полисов. Историческая битва между объединенными греческими силами и македонянами состоялась в 338 году до н. э. у беотийского города Херонея.

На левом фланге греческого войска вблизи херонейского акрополя располагалась местная легковооруженная пехота. Чуть правее были сконцентрированы тяжеловооруженные, но наспех собранные афинские гоплиты, в центре греческого построения расположились другие союзники: мегарцы, ахейцы, керкирцы, коринфяне, левкадцы. Грозный фиванский «Священный отряд» составлял ядро правого фланга и располагался недалеко от болот по берегам реки Кефис.

Филипп организовал войско так, чтобы он и его сын Александр сами руководили всеми ключевыми позициями: Филипп отдавал приказы правому крылу, Александр — кавалерии на левом фланге. Центр, состоявший из фессалийцев и этолийцев, управлялся полководцем Антипатром. Македонское командование четко определило, какие ключевые позиции необходимо захватить и удержать, и именно там сконцентрировало свои силы. Расположив фалангу под углом к греческому войску, македоняне сумели создать давление вблизи Херонеи на самое слабое звено греческого войска, против которого были брошены отборные пехотные войска — отряд «стражников». После

того как под его натиском греческие войска растянулись влево, отряд начал запланированный, но для противника совершенно неожиданный отход. Этот маневр стал причиной того, что афиняне левого фланга, противостоявшие Филиппу, разомкнули свои ряды и бросились вперед, поверив, что македоняне действительно бегут. Преследуя отступающего противника, афиняне нарушили свой боевой порядок. «Неприятель не умеет побеждать», — язвительно заметил наблюдавший все это македонский царь и отдал приказ своим фалангам перестроиться на высоком берегу реки Геамон и перейти в наступление.

Чуть раньше Александр обрушил свою конницу на правое крыло греческого войска, прежде всего, на прославленный «Священный отряд», прорвал фланг, вышел грекам в тыл и методично добивал несчастных воинов Беотии. Под Херонеей был уничтожен практически весь фиванский отряд: впоследствии в память о нем здесь поставили монумент «Херонейский лев». В то время как всадники громили правый фланг противника, центральные македонские фаланги поддержали эти действия, вклинившись между фиванцами и афинянами и расширив просвет. Филипп одержал полную победу. Остатки греческих войск разошлись по своим городам, македоняне же захватили оставленные без помощи

Фивы. Город был сурово наказан, там было учреждено олигархическое правление и оставлен македонский гарнизон. Демократы были изгнаны или приговорены к смерти, а их противники, наоборот, получили возможность вернуться из изгнания.

Напуганные жители греческих полисов, как правило, уже не могли ничего противопоставить Филиппу, и македонском царю для развития успеха уже даже не приходилось воевать. Исключение составляли, пожалуй, лишь Спарта и Афины. И тот и другой город уже не раз доказывали свою жизнеспособность в самых тяжелых обстоятельствах. Спарта так и осталась вне новой политической системы, которую македонский царь создал в Элладе. С Афинами же Филипп заключил договор на вполне почетных для полиса условиях. Афины сохраняли свою независимость и территорию, в том числе контроль над островами Самос, Имброс и Лемнос, где находились афинские колонии. Вместе с Филиппом полис должен был гарантировать свободу судоходства, в Аттику возвращались пленные афиняне, за которых македонский правитель не потребовал выкупа. Кроме того, в Афины для торжественного погребения был доставлен пепел от тел граждан, погибших при Херонее. Посольство же Филиппа возглавил его сын, и о роли Афин, а точнее,

данного их посещения, в жизни завоевателя половины мира до сих пор спорят биографы Александра Македонского. Какое впечатление произвел на него внешний облик культурной столицы мира? Оказали ли влияние на формирование его личности беседы с выдающимися философами? Проявил ли он в полной мере свои способности дипломата? Любые конкретные ответы на эти вопросы все равно не будут иметь документального подтверждения. Так или иначе, отправив во главе посольства в Афины своего сына, македонский царь подчеркнул значение, которое он уделял дружбе с этим городом. И он, и Александр получили почетное афинское гражданство.

Вскоре в Коринфе прошел конгресс, на котором греки согласились со всеми условиями Филиппа II. Был оформлен союз греческих государств (за исключением Спарты), который заключил «вечный» оборонительно-наступательный договор с Македонией.

Согласно решениям конгресса, члены нового Коринфского, или Панэллинского, союза заключали между собой мир. Полисы оставались независимыми, а в отношении их государственного устройства был признан статус-кво — оно должно было оставаться таким, каким было на момент

проведения переговоров в Коринфе. Неприкосновенной оставалась территория полисов. Без соответствующего разрешения в гавань города не могли заходить даже македонские корабли. Для руководства Панэллинским союзом был создан синедрион — представительный совет эллинских полисов, регулярно созывавшийся все в том же Коринфе. Главой — гегемоном — союза был признан Филипп II. Позже он получил и титул верховного, союзного главнокомандующего — стратега-автократора. Власть его была исполнительной — он имел право созывать синедрион, но не имел права голоса на совете. Полисы не должны были платить какие-либо денежные взносы в казну союза, но обязаны были предоставлять для войны контингенты в ополчение, которое формировал македонский царь. Любопытно, что полисы оформили договор с Филиппом не как с правителем Македонии, а как с представителем династии Аргеадов — потомков Геракла, почитаемого по всей Греции.

Нет сомнений, что формальная сторона дела не вполне соответствовала фактической. Подавляющее большинство решений синедриона инициировалось Филиппом. Несмотря на задекларированный принцип невмешательства во внутренние дела городов, царь навязал совету постановление, которое было выгодно в первую

очередь зажиточным аристократическим кругам, на которые македонянин опирался в большей мере. Этим постановлением было решение о неприкосновенности частной собственности по всей Элладе, запрете на передел земель, запрете на кассацию долгов и отпуск рабов на волю. Нередки бывали случаи вторжения на чужую территорию македонских гарнизонов. Так что афинский оратор Ликург действительно имел полное право сказать, что с телами павших при Херонее была погребена и свобода эллинов.

Итак, с самого начала гегемонии Македонии в Элладе это верховенство обосновывалось необходимостью вести войну против Персии. Идея такой войны не была изобретением современников Филиппа и Александра, она витала в эллинском обществе практически сразу после окончания последней из греко-персидских войн в конце V века до н. э. О необходимости объединения Греции для похода против персов говорил еще Горгий в своей Олимпийской речи, произнесенной в 392 году до н. э., а затем и множество других ораторов. Подобные планы строил диктатор Ясон из Фер. Дело было, конечно, не в обиде, которую нанесли грекам персы своими нападениями в 490 или 480 годах до н. э. и не в вывезенных из Афин статуях богов и героев, на которые в свое время обращал особое внимание Александр Великий. Гораздо

важнее было снять социальную напряженность полисного общества, которая все отчетливее давала о себе знать по ходу IV века до н. э. О кризисе полисного устройства в это время пишут фактически все современные историки. Имуущественное расслоение, обезземеливание, настоящие гражданские войны, распри между полисами, распространение наемничества — это далеко не полный перечень характерных для того времени явлений, которые заставляли передовых общественных деятелей задуматься над возможностью экспансии на восток. Война направляла энергию масс на борьбу с внешним врагом, удаляла из Эллады деструктивные элементы, давала новые земли, расширяла сферу экономического влияния торговцев, позволяла беднякам расплатиться с долгами, а богачам набирать рабов не из сограждан, а из «варваров».

Такого рода идеология отчетливо выражена в речах уже упомянутого нами Исократы. «Что же произошло хорошего от войны из-за вывода колоний и от этих деяний? — говорил он в своей Панафинейской речи. — Ведь это, я думаю, многие больше всего хотят услышать. Эллины, удалившие такое множество столь скверных людей, стали богаче средствами к жизни и более единокорными; варвары были прогнаны из их владений и стали менее высокомерными, чем прежде». В другом

месте он говорил уже конкретно о Персидской державе: «Известно, что и царь властвует не потому, что азиатские народы этого желают, а потому, что он собрал вокруг себя войско более сильное, чем у каждого из них; если мы переправим туда войско еще более сильное, чем это (а при желании мы бы легко его собрали), мы сможем безопасно собирать дань со всей Азии. Гораздо лучше воевать с ним за царство, чем между собой бороться из-за гегемонии. Хорошо бы совершить этот поход еще при нынешнем поколении, чтобы те, кто вместе переживали беды, насладились бы и благами, и не прожили бы жизнь в несчастьях».

Оставалось только выбрать подходящего предводителя. Причем предводителя, наделенного правами тирана. Афинский политик обращал свое внимание на Ясона из Фер, Дионисия из Сиракуз и в конечном счете увидел, что единственно возможный вариант — стремительно одерживающий победы могущественный македонский царь. Уже в 346 году до н. э. Исократ писал Филиппу: «Вот я и говорю, что тебе нужно и из своего ничем не пренебречь, и попытаться примирить города аргивян и лакедемонян, и фиванцев, и наш... Если бы ты четыре только города убедил быть благомысленными, ты и другие города избавил бы от бедствий». Затем автор письма убеждает царя, что тому приличествует

считать своим отечеством не какой-либо отдельный город, а всю Элладу. Наконец дошло дело и до советов по поводу войны против Персии. Исократ предлагал Филиппу «выгородить как можно большую территорию и отделить себе то, что принято назвать Азией, а именно область от Киликии до Синопа». Иными словами, провести границу между эллинскими и персидскими территориями примерно вдоль 35° восточной долготы — захватить значительную часть полуострова Малая Азия.

К тому времени Персидская держава представляла собой все еще огромное, но довольно слабое по сути государственное образование. Давно ушли в прошлое времена сильной центральной власти, созданной основателем империи Ахеменидов Киром Великим. Если в V веке до н. э. персидские цари еще могли всерьез рассчитывать на покорение Балканского полуострова, то в следующем столетии они были сосредоточены на удержании того, что есть. Сатрапы — наместники отдельных регионов империи — чувствовали себя зачастую достаточно независимыми правителями, Индия фактически отделилась от Персии, номинальной была власть «царя царей» над многими народами Средней Азии. Лишь в 342 году до н. э. после продолжительной борьбы с мятежным населением был вновь покорен Египет. Основы

Персидской державы были потрясены мощным восстанием сатрапов в середине того же IV века до н. э. Жители Месопотамии, по всей видимости, уже были готовы скинуть власть персов, подобные настроения витали и в греческих городах Малой Азии — Ионики. Пестрота этнического состава государства сказывалась и на боеспособности, мягко говоря, не очень мотивированной армии. Правда, персы обладали мощным флотом, но и его основу составляли не собственно персидские корабли, а финикийские. Нельзя сказать, что империя должна была развалиться от одного толчка, но предпосылки для начала успешной в перспективе войны у греков имелись.

* * *

После установления своей гегемонии в Элладе Филипп вел активную подготовку к войне с Персией, в Малую Азию был отправлен «ограниченный контингент» — 10 тысяч человек под командованием Пармениона и Аттала. Жители греческих городов западного побережья полуострова встречали македонян как освободителей. Полководцам Филиппа удалось вытеснить персов из Эфеса и Магнезии, создав плацдарм для дальнейшего наступления. Но широкомасштабную войну против империи

Ахеменидов предстояло вести уже Александру, поскольку сам Филипп в 336 году до н. э. был убит. Не исключено, что в заговоре участвовал и его сын. Им могло двигать и честолюбие, желание занять место гегемона, и просто месть. За что же Александр мог мстить несомненно любимшему его отцу?

Александр родился 22 июля 356 года до нашей эры (по другим данным — в октябре того же года). Казалось, ничто не должно было омрачить будущего этого царского первенца. Отец и мать — уроженка Эпира Олимпиада — были страстно влюблены друг в друга. Благодаря таким родителям Александр имел прекрасную родословную — ведь отец возводил свой род к Гераклу, а предком эпирских правителей считался Ахилл.

По легенде, великий полководец родился в тот самый день, когда Герострат сжег одно из чудес света — храм Артемиды в Эфесе⁴.

Мать окружила сына заботой, и на первых порах именно она занималась его воспитанием. Олимпиада была женщиной властной и строгой со

---

⁴ Это позволило одному античному автору пошутить: «Понятно, почему богиня не смогла защитить свой храм в Эфесе: она была занята тем, что принимала роды у Олимпиады — матери величайшего героя всех времен».

всеми — кроме сына. Надо сказать, что жители столицы Македонии — Пеллы — не очень любили дикую эпирскую принцессу, не все одобряли брак знатного Аргеада (предки Филиппа были из Аргоса) с чужестранкой, но царь не обращал на это внимания. На то он и стремился к укреплению царской власти, чтобы не оглядываться на всех придворных при выборе жены.

Первого воспитателя сыну Олимпиада также подобрала сама. Им стал ее соплеменник Леонид, придерживавшийся спартанских методов в педагогике — никаких нежностей, «лучший завтрак — ночной поход, лучший ужин — скудный завтрак»... Плутарх передает воспоминания Александра о том, как Леонид переворачивал его подстилку на кровати, чтобы убедиться, что мать не подложила сыну что-нибудь вкусненькое. Правда, гораздо чаще с наследником возился подчиненный Леонида — простоватый Лисимах. Своего подопечного он называл Ахиллом. Лисимах на всю жизнь, как и мать, а также кормилица Ланика, остались друзьями Александра. Сын Филиппа воспитывался вместе с детьми других придворных, многие из которых стали впоследствии его соратниками, например Гефестион, которого Александр любил как брата.

Александр был мальчиком своенравным и великодушным одновременно, учителя то

жаловались на упрямство, буйный характер, вспыльчивость наследника, то хвалили его за хорошие способности, щедрость, чувствительность. Щедрость осталась щедростью на всю жизнь, а вот детское упрямство стало железной волей, неумолимостью и отвагой военачальника, жестокостью покорителя народов. Знаменитый эпизод приключился с малолетним Александром, когда ему подарили великолепного коня — Буцефала, названного так из-за необычной, напоминающей бычью, формы головы. Никто не мог укротить жеребца, тогда за дело взялся сам будущий полководец: он подскочил к Буцефалу и повернул его мордой к солнцу, после чего ослепленный конь позволил новому хозяину оседлать себя. Восхищенный Филипп якобы воскликнул: «Сын, ищи царство по себе, Македония слишком мала для тебя!» Буцефал навсегда остался любимцем Александра. Когда во время похода против мардов на берегу Каспийского моря конь был украден, царь пригрозил опустошить страну, если его немедленно не возвратят; вору поспешили выполнить это требование. После смерти Буцефала Александр приказал назвать его именем один из городов, основанных во время похода в Индию.

Военные игры Александр любил больше всего, с детства он был наслышан о возможной

войне с Персией и, говорят, так подробно расспрашивал посла могучего государства о персидских городах, дорогах, расстояниях, что смутил посланника. Александр очень рано стал беспокоиться о том, чтобы его выдающийся отец не завоевал весь мир до того, как подрастет он сам. Высокомерие и невероятная амбициозность были отличительными чертами полководца с ранней юности. Когда друзья однажды спросили его, не хочет ли Александр принять участие в Олимпийских состязаниях, юноша ответил: «Охотно, если мне придется соревноваться с царями».

Другим увлечением юного македонского принца было искусство, тонким ценителем которого он остался на всю жизнь. Еще мальчиком он умел играть на лире, проявлял интерес к театру. Свои портреты Александр позволял рисовать лишь лучшему живописцу эпохи — Апеллесу. Статуи же его ваял другой корифей древнегреческого изобразительного искусства — Лисипп. Разумеется, великий воин хотел остаться в памяти народов в облике героя, и художники получали, вероятно, соответствующие указания. Самый известный в древности портрет Александра — картина Апеллеса, где царь показан с молнией в руке. Увидев этот портрет, царь сказал: «Есть два Александра. Один — сын Филиппа, другого создал

Апеллес. Первый непобедим, второй неподражаем». Самая же известная статуя — Александр с копьем. На дошедших до нас изображениях (знаменитая мозаика из Помпеи, копия конной статуи, изображения на саркофаге героя) мы видим его в бою с персами, в наиболее драматические моменты жизни.

Когда Александру было около 13 лет, Филипп решил, что сына необходимо приобщить к высокой культуре Эллады, которую сам он знал и уважал. Для этого с острова Лесбос был выписан выдающийся мыслитель, основатель новой философии, крупный ученый-энциклопедист, но на тот момент еще не настолько широко известный Аристотель. Великий философ очень ответственно отнесся к своей новой работе. Он быстро увидел в воспитаннике выдающегося человека, которому, возможно, суждено стать большим государственным мужем. Недаром он будил Александра знаменитой фразой: «Вставайте, вас ждут великие дела». Аристотель и его ученик поселились не в Пелле, а вблизи небольшого селения Миеза, в роще с уединенными тропинками и укромными уголками. Здесь же жили и некоторые другие знатные македонские юноши — Гефестион, Марсий, Никанор, Леоннат.

Александр очень многое узнал от своего учителя и очень многому научился, благодаря ему

он приобщился к эллинской культуре. Аристотель занимался с ним географией (и больше всего ученика завораживали белые пятна на карте), естественными науками и, конечно же, философией и этикой. Научился Александр и медицине и, будучи на вершине могущества, мог взяться за лечение соратников известными ему травами и диетой. Аристотель учил принца ценить красоту, читать и понимать греческую литературу. На всю жизнь Александр влюбился в гомеровскую «Илиаду», подаренное Аристотелем издание которой он всегда возил с собой. Кроме того, в походах полководца сопровождали ученые, описывавшие географию покоренных стран и нравы местных жителей. Македонский наследник открыл для себя не только Гомера, но и Пиндара, и Еврипида, и, конечно, Геродота с его «Греко-персидскими войнами», и Ксенофонта с его «Анабасисом»⁵, в котором были описаны военные действия именно в Персии. Эта книга стала первым военным учебником македонского принца. Между тем, еще одной любимой книгой Александра стала

---

⁵ Ксенофонт (445–355 до н. э.) — автор «Анабасиса» — описания похода Кира против Артаксеркса и отступления греческого наемнического отряда, в рядах которого был сам Ксенофонт.